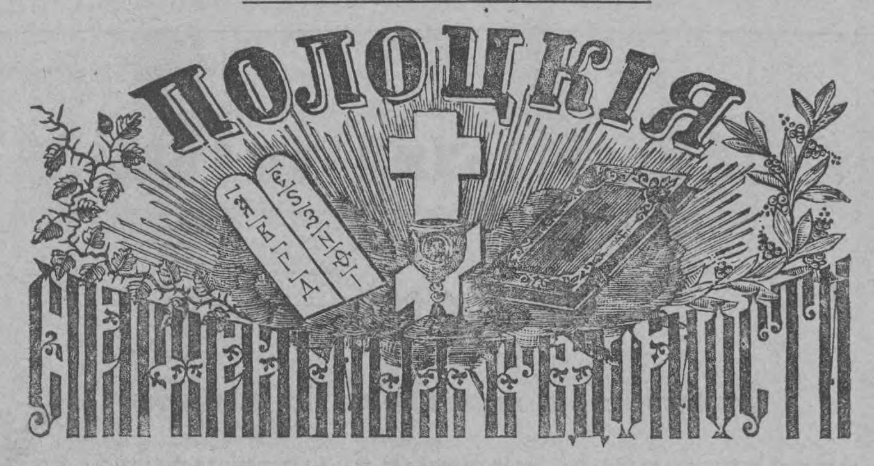
ВИТЕБСКЪ. Сороковой годъ. 6-го октября.

(Существуютъ съ 1874 г.).

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

1913 годъ.

ЦѢНА: за годъ **пять** руб. **50** к., за полгода—**три** руб., съ пересылкою

Подписка принимается у оо. благочинныхъ епархіи и въ Редакціи „Вѣдомостей", при Витебскомъ Епархіальномъ Свято-Владимірскомъ Братствѣ.

Редакція проситъ оо. и гг. сотрудниковъ, что рукописи, присылаемыя въ Редакцію для напечатанія, должны быть написаны **разборчиво и четко на одной страницѣ. Не разборчивые рукописи не подвергаются разсмотрѣнію.** Рукописи безъ означенія условій считаются **безплатными**. Авторы, желающіе имѣть отдѣльные оттиски своихъ статей, заявляютъ о томъ **на самой рукописи**,—оттиски дѣлаются за особую плату по счету типографіи. Статьи, не принятыя Редакціей, по желанію высылаются авторамъ за ихъ счетъ—(по присылкѣ нужнаго количества марокъ) обратно, невостребованныя статьи по истеченіи года уничтожаются. Мелкія замѣтки—не болѣе писаннаго листа—возврату не подлежатъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Движенія и перемѣны по службѣ. 2) Письмо Общества Бѣлаго Креста на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Владиміра, Епископа Полоцкаго и Витебскаго, отъ 30 августа 1913 г. за № 1035.

НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Смыслъ жизни, по ученію Л. Н. Толстого. Лѣтопись Вѣдомостей: 1) Архипастырское обозрѣніе церквей 3 благочинническаго округа, Лепельскаго уѣзда.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Оффиціальный отдѣлъ

Движенія и перемѣны по службѣ.

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Утверждаются въ должности церковнаго старосты:

— Хвошнянской церкви, Городокскаго уѣзда, крестьянинъ дер. Желуды II-е, Горковской волости, Савелій Давидовъ Степуковъ—на 3-е трехлѣтіе (съ 21 сентября с. г.).

— Шульгинской церкви, Невельскаго уѣзда, крестьянинъ Еменецкой волости, дер. Кулева, Даніилъ Петровъ Селезневъ—на 2-е трехлѣтіе (съ 26 сентября с. г.).

Вакантныя священническія мѣста:

— При Дзвонской церкви, Лепельскаго уѣзда.

— При Лепельскомъ соборѣ.

— При Себежскомъ соборѣ.

Пожертвованіе.

За сдѣланныя пожертвованія вещами и деньгами въ Краснобережскую, Кловникскую, Кошелевскую и Кодоловскую церкви, Невельскаго уѣзда, отъ лица Епархіальнаго

Начальства выражается благодарность прихожанамъ Краснобережской и Кліовникской церквей, проживающей въ г. Кишиневѣ Аннѣ Петровнѣ Мичу Николаевнѣ и крестьянину Алексѣевской вол., дер Горбани Ивану Іоакимову.

Письмо Общества Бѣлаго Креста на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Владиміра, Епископа Полоцкаго и Витебскаго, отъ 30 августа 1913 г. за № 1035.

Ваше Преосвященство,

Преосвященнѣйшій Архипастырь.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 23-го іюня—7-го іюля 1912 года за № 5643, распубликованнымъ въ № 29 «Церковныхъ Вѣдомостей» отъ 22-го іюля 1912 года, состоящему подъ АВГУСТѢЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Воинскому Благотворительному Обществу Бѣлаго Креста разрѣшено произвести, для усиленія своихъ средствъ, повсемѣстный сборъ пожертвованій въ церквахъ Имперіи въ праздникъ Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы 21 ноября 1913 г.

Приступая нынѣ къ организаціи этого сбора Комитетъ Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста считаетъ своимъ долгомъ обратиться прежде всего къ Вашему Преосвященству, съ почтительнѣйшей просьбою благословить доброе дѣло оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ русскихъ воиновъ, убитыхъ и раненыхъ на войнѣ и потерявшихъ здоровье на службѣ, не отказавъ въ Вашемъ благосклонномъ и высокопросвѣщенномъ содѣйствіи къ благопріятному осуществленію вышеупомянутаго сбора на нужды Общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ Общества, полагая въ непродолжительномъ времени обратиться съ соотвѣтствующими по названному сбору воззваніями ко всѣмъ благочиннымъ и настоятелямъ церквей и монастырей, всепокорнѣйше проситъ Ваше Преосвященство, въ видахъ успѣшности предстоящаго сбора и устраненія какихъ-либо при этомъ недоразумѣній, не отказать въ распоряженіе подтвердить состоявшееся объ

этомъ вышеприведенное опредѣленіе Св. Синода, вмѣстѣ съ просьбою Комитета о содѣйствіи этому сбору, особымъ объявленіемъ духовенству епархіи, через напечатаніе въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Поручая себя молитвамъ Вашего Преосвященства, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ покорнѣйшимъ слугою **Павелъ Вороновъ.**

На подлинномъ резолюція Его Преосвященства, отъ 28 сентября 1913 года за № 1916, состоялась такая: **„Напечатать въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Е. Владиміръ.**

Редакторъ оффиціальнаго отдѣла,

Секретарь Консисторіи **Л. Яновскій.**

1913 года. № 40. 6-го октября.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Неоффиціальный отдѣлъ

Смыслъ жизни, по ученію Л. Н. Толстого.

Ни одно религіозное ученіе, ни одна философская система, проведенная съ послѣдовательностью, не обходятъ совершеннымъ молчаніемъ такого важнаго вопроса, какимъ представляется нашему сознанію вопросъ о смыслѣ человѣческой жизни.

Даже тѣ религіозныя и философскія доктрины, которыя смотрятъ на жизнь пессимистически, считаютъ ее за злую шутку судьбы, должны все-таки считаться съ нею, какъ съ существующимъ фактомъ, и, въ чемъ бы то ни было, должны видѣть ея смыслъ,— и онѣ находятъ его—въ терпѣливомъ, а иногда—презрительномъ отношеніи къ страданіямъ, и даже въ совершенной безчувственности—въ погруженіи въ блаженную нирвану.

Въ силу такой чрезвычайной важности этотъ вопросъ—о смыслѣ жизни—занимаетъ центральное мѣсто въ произведеніяхъ и нашего отечественнаго писателя-моралиста и философа—Л. Н. Толстого.

Такъ какъ имя этого писателя является особенно популярнымъ и даже для многихъ изъ современной интеллигенціи оно оказывается непререкаемымъ авторитетомъ,—мы и ставимъ себѣ задачей въ данномъ очеркѣ прослѣдить и передать въ системѣ разбросанныя по всѣмъ произведеніямъ этого писателя мысли и сужденія его о смыслѣ человѣческой жизни,—а потомъ—и разобрать вполнѣ безпристрастно, безъ всякой предвзятости его взглядъ на поставленный нами вопросъ, руководясь при разборѣ однимъ критеріемъ правды и логической состоятельности.

Еще раньше философскихъ сочиненій Толстого, спеціально посвященныхъ разработкѣ даннаго вопроса, и въ художественныхъ его произведеніяхъ замѣтны слѣды исканія смысла жизни, или, какъ самъ онъ выражается, „исканія Бога“.—Вопросы—«зачѣмъ?.. ну, а потомъ»? волновали умы многихъ героевъ его произведеній: Левина, князя Андрея Болконскаго, Пьера Безухова, даже Колю Иртеньева и Димитрія Оленина. Всѣ они ждали отъ жизни счастья и въ поискахъ за нимъ переживали разные моменты: то душа ихъ желала славы, то любви къ женщинѣ, семьѣ,—и отъ всего этого—отъ любви міра—переходила къ истинѣ, къ любви Божіей, въ которой и находила свое вѣчное благо. Счастливъ удѣлъ тѣхъ, которые, хотя въ послѣднія мгновенія своего существованія на землѣ, подобно князю Андрею, умѣли постигнуть смыслъ жизни; какъ, напротивъ, жалки тѣ люди, вся жизнь которыхъ съ неизбѣжно слѣдующей смертью, часто такой трагической, какъ смерть Анны Карениной, представляется сплошнымъ и ужаснымъ страданіемъ; между тѣмъ и она искала своего счастія, своего блага на землѣ, какъ искалъ его Левинъ, какъ искали его: Долли, Варенька, Марья Николаевна, княжна Марья Болконская,—какъ ищутъ его всѣ люди. Въ этихъ поискахъ нѣтъ ничего предосудительнаго; стремленіе людей къ благу есть вполнѣ законное и естественное стремленіе: „каждый человѣкъ имѣетъ въ своей душѣ неизгладимое требованіе того, чтобы жизнь его была благомъ» (Л. Толстой „О жизни“, Geneve, 1891 г. стр. 42), такъ что и живетъ онъ лишь до тѣхъ поръ, пока стремится къ благу. Но не всякая жизнь есть истинная жизнь, потому что не всякое благо, какъ цѣль жизни, истинно и способно придать жизни разумный смыслъ. Между тѣмъ истина часто бываетъ прикрыта корой заблужденій и предразсудковъ, проповѣдуемыхъ слѣпыми вождями религіи и науки, этими, по терминологіи Толстого, „фарисеями и книжниками“, которые скрываютъ истинный смыслъ жизни, въ оправданіе существующаго соціальнаго строя. Они ведутъ человѣчество по установившемуся пути лжи, обмана и насилія. Служители религіи фарисейскимъ ученіемъ—о благодати, объ искупленіи, о будущемъ личномъ безсмертіи—убиваютъ въ человѣкѣ стремленіе къ достиженію совершенства собственными силами. Наука, не смотря на свой антагонизмъ съ религіей, идетъ съ ней рука объ руку въ потворствѣ бездѣятельности и нравственной лѣни своихъ адептовъ: она учитъ, что не стоитъ совсѣмъ и задаваться цѣлью изысканія разумнаго смысла въ жизни, потому что въ

жизни человѣка, какъ животнаго, и нѣтъ ничего неразумнаго («О жизни", стр. 28). Если же существующая наука объ обществѣ и выдѣляетъ человѣка изъ ряда животныхъ, то видитъ благо его жизни въ удовлетвореніи потребностей, на изученіе и указаніе которыхъ у нея не найдется никакой физической возможности,—потому что у человѣка—безчисленное количество потребностей; главная же изъ нихъ—требованіе блага—опредѣляется только сознаніемъ («О жизни» стр. 19—20). Интеллигентная толпа, при всей неясности и даже противорѣчивости научныхъ сужденій о жизни, совершенно запутывается въ выборѣ благъ жизни; у большинства образуется ложное сознаніе, подсказывающее и ложный взглядъ на жизнь, по которому средство принимается за цѣль, матеріалъ—за самую работу („О жизни", стр. 71). Разумъ у такихъ людей бываетъ направленъ не на освѣщеніе жизни, а на раздутіе похотей личности („О жизни", стр. 99), какъ будто въ удовлетвореніи ихъ заключается весь смыслъ жизни. Будучи поставленъ въ жизненный кругъ борющихся и смѣняющихся существъ, центромъ этого круга человѣкъ считаетъ себя самого; до другихъ людей ему нѣтъ никакого дѣла, лишь было бы хорошо ему одному. Онъ безъ стѣсненія эксплоатируетъ трудъ и здоровье подобныхъ себѣ существъ; страданія ихъ не возбуждаютъ въ немъ чувства жалости; быть можетъ, они нарушаютъ въ немъ чувство спокойнаго самодовольства и черезъ то служатъ причиной еще большаго озлобленія. Въ такомъ состояніи человѣкъ дѣлается звѣремъ, животнымъ, любящимъ только себя самого, свою животную личность. Если же онъ и способенъ любить что либо внѣ себя, напр., женщину, семью, друзей, государство,—то интенсивность эгоизма нисколько не ослабляется такой любовью. Эта любовь—чисто животнаго характера, потому что представляетъ изъ себя только предпочтеніе однихъ болѣе благопріятныхъ условій блага своей личности другимъ, или—предпочтеніе однихъ существъ другимъ—опять таки для достиженія блага своей личности. И такая эгоистическая жизнь личности представляется страшной безсмыслицей, потому что не можетъ удовлетворить законному требованію блага. Если каждому представляется настоящей жизнію только его собственная жизнь, то основнымъ закономъ жизни дѣлается законъ борьбы за существованіе, по которому каждый долженъ отстаивать интересы своей личности предъ неизмѣримымъ большинствомъ. Онъ долженъ уступить и чаще всего—послѣ того, какъ проиграна вся его жизнь, въ лучшемъ случаѣ, приспособившись къ окружающей

средѣ, онъ побѣдитъ слабѣйшихъ, путемъ ожесточенной борьбы лишеній и страданій добьется желаемаго блага, но тогда онъ заставитъ страдать другихъ, что должно мѣшать спокойному обладанію достигнутымъ благомъ. Все это, впрочемъ, еще не такъ важно ко всему можно присмотрѣться: привычка—вторая природа, и многіе не замѣчаютъ всей пошлости личной жизни—только потому, что живутъ по инерціи, законъ которой состоитъ не въ томъ, чтобы познать истину, но въ томъ, чтобы придать видимость истины той жизни, которая имъ пріятна и привѣтна (Толстой Л. «Царство Божіе"..., Берлинъ, 94 года, стр. 192 ч. I).

Но подобное самообольщеніе не всегда способно успокоить животную личность. Источникомъ постояннаго опасенія и безпокойства для нея служитъ смерть: она всего яснѣе разоблачаетъ призрачность личной жизни, потому что, какъ самъ человѣкъ, живущій только для себя, со смертію исчезаетъ безслѣдно, „превращается въ кости и червей" („О жизни", стр. 24), такъ же безслѣдно гибнетъ и все дѣло его жизни,—все, что онъ любилъ, къ чему стремился. Такой человѣкъ всю свою жизнь проводитъ въ борьбѣ со страхомъ смерти, и только, быть можетъ, съ приближеніемъ ея, онъ узнаетъ тщету своей жизни; часто только предсмертное страданіе доставляетъ то знаніе истины, которымъ достигается истинное благо („О жизни", стр. 174); но часто и этого не бываетъ, часто на леденѣющихъ устахъ замираетъ неразрѣшеннымъ вопросъ о смыслѣ жизни..

Когда же навѣрное знаетъ человѣкъ, что всякую секунду можетъ исчезнуть безъ малѣйшей возможности и для себя, и для другихъ (кого онъ вовлечетъ въ свою ошибку), исправить ее, и знаетъ кромѣ того, что все совершаемое имъ въ устройствѣ внѣшняго міра, очень скоро и такъ же навѣрно, какъ и онъ самъ, исчезнетъ,—то не изъ-за чего ему и рисковать такой страшной ошибкой. Въ освобожденіи себя отъ такого ложнаго жизнепониманія и исповѣданія истины состоитъ единственное дѣло жизни человѣка („Царство Божіе"... стр. 231, ч. II).

Конечно, нельзя искать истины у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни, и имѣютъ одинъ разумный для себя исходъ—въ самоубійствѣ. Кромѣ этихъ жалкихъ, ненужныхъ трусовъ есть еще милліарды отжившихъ и живущихъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь. Это, по взглядамъ Толстого, въ большинствѣ случаевъ—люди рабочіе, простые, которые, благодаря своей неразвитости, избѣгаютъ того коренного заблужденія, наблю-

даемаго исключительно въ средѣ людей богатыхъ, утонченныхъ, съ развитымъ разсудкомъ; въ противоположность послѣднимъ, они не считаютъ своего животнаго существованія за истинную жизнь: животная личность есть для нихъ не болѣе, какъ орудіе, талантъ, лопата, средство для жизни („О жизни", стр. 95). По этому они и не отстаиваютъ требованій своей личности, а ищутъ другой высшей жизни, которая не ограничена пространствомъ и временемъ. Указаніемъ этого жизненнаго пути является вѣра. Только не та вѣра, которая проповѣдуется церковію, какъ обличеніе невидимаго, или, какъ отношеніе человѣка къ Богу, потому что, по словамъ Толстого, нельзя вѣру опредѣлять чрезъ Бога, а нужно сначала опредѣлить вѣру, а потомъ уже и Бога. Истинная вѣра, по опредѣленію Толстого, есть знаніе смысла человѣческой жизни, вслѣдствіе чего человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Всякій отвѣтъ такой вѣры придаетъ конечному существованію человѣка смыслъ безконечнаго, смыслъ, неуничтожаемый страданіями и даже смертію. Если не замѣчаетъ человѣкъ призрачности конечнаго, то въ него и вѣруетъ; въ противномъ случаѣ объектомъ его вѣры является безконечное. „Это безконечное—тотъ Богъ, безъ вѣры въ Котораго жить нельзя, есть разумѣніе жизни, Высшій Разумъ, есть Сила жизни и даже—сама Жизнь, потому что знать Бога и жить—одно и то же" (Толстой Л. „Исповѣдь").

Поэтому самая жизнь начинается въ человѣкѣ только тогда, когда въ немъ пробуждается вѣра.—Нужно повѣрить сначала въ то, что жизнь міра совершается по чьей то волѣ, Кто-то правитъ этой жизнію всего міра,—и этой міровой жизнію, вмѣстѣ съ нашими жизнями, дѣлаетъ свое какое то дѣло. Для пониманія смысла этой воли необходимо подчиненіе ей, исполненіе ея требованій. Нужно, по вѣрѣ въ эту высшую волю, полюбить ее, т. е., полюбить Бога, а такъ какъ Богъ есть, по словамъ Толстого, сама жизнь, то и любить нужно ничто иное, какъ свою жизнь. А полюбить послѣднюю можно лишь тогда, когда она разумна и осмысленна, когда она совершается по волѣ Отца, т. е., по волѣ и указанію Разума—въ Сынѣ человѣческомъ, т. е., въ общей совокупности человѣческихъ разумовъ—въ разумномъ сознаніи всего человѣчества (Толстой «Въ чемъ моя вѣра», стр. 157). И потому всякое осмысливаніе личной жизни, если послѣдняя основывается не на отреченіи отъ себя для служенія людямъ, есть призракъ, разлетающійся при первомъ же прикосновеніи разума („Въ чемъ вѣра" стр. 181). Остается, такимъ образомъ,

одинъ смыслъ—въ возвеличеніи Сына человѣческаго, въ сліяніи съ жизнію всего міра, съ общей совокупностью человѣческихъ разумовъ, съ разумнымъ сознаніемъ всего человѣчества. Если теперь смыслъ жизни дается человѣку вѣрой въ свой разумъ, какъ частицу всеобщаго, разлитаго въ природѣ и совокупности человѣческихъ жизней, разума,—то разумъ же указываетъ и законъ разумной жизни человѣка, осуществляющій смыслъ, указанный вѣрою.

Этотъ законъ относится къ числу наиболѣе удобоисполнимыхъ законовъ. Въ то же время онъ отличается характеромъ всеобщности и необходимости.—Человѣкъ, признавая открывшійся законъ истинной жизни и слѣдуя ему, становится свободнымъ и радостнымъ дѣлателемъ вѣчнаго и безконечнаго дѣла, совершаемаго Богомъ или жизнью міра; не признавая же его истины, онъ дѣлается рабомъ этого закона, насильно и мучительно, подобно упрямой лошади, подгоняемой тяжестью воза, влекомымъ туда, куда онъ не хочетъ. Въ выборѣ свободнаго совершенія предназначеннаго дѣла жизни, или невольнаго подчиненія закону жизни и заключается, по мнѣнію Толстого, свобода человѣка, какъ необходимое условіе истинной его жизни («Царст. Бож..., ч. II, стр. 212—213; „О жизни“, стр. 82).

Этотъ всеобщій и необходимый законъ съ особенной настойчивостью предъявляетъ къ человѣку свои требованія послѣ того, какъ человѣкъ повѣритъ въ свой разумъ, какъ силу жизни. А повѣривъ въ это, онъ полюбитъ и самую жизнь, т. е., Самого Бога, какъ начало всего, Котораго онъ сознаетъ въ себѣ любовію, и потому будетъ любить всѣхъ и все («Царств. Бож...» ч. II, стр. 155).

Цѣлесообразность этого закона вытекаетъ изъ противоположенія личной и божеской жизни. Въ то время, какъ первая, имѣя своей конечной цѣлію благо человѣческой личности, управляется закономъ борьбы за существованіе,—вторая, заключаясь въ возвеличеніи Сына человѣческаго, т. е., своего разума—чрезъ сліяніе части разумнаго существа съ огромнымъ гармоническимъ цѣлымъ—съ міровымъ разумомъ,—должна опредѣляться закономъ, совершенно противоположнымъ закону борьбы за существованіе, закономъ объединенія, каковымъ и является законъ любви. Это—не эгоистическое предпочтеніе однихъ существъ другимъ, способнымъ доставить большее благо его личности. Любовь эта такова, что требуетъ совершеннаго отреченія отъ блага личнаго, съ замѣной стремленія къ своему благу стремленіемъ къ благу другихъ существъ. Всякій разумный человѣкъ видитъ, что при такой замѣнѣ,—какъ его жизнь,

такъ и жизнь міра, вмѣсто безумія и жестокости, становится тѣмъ высшимъ разумнымъ благомъ, котораго только и можетъ желать человѣкъ,—вмѣсто прежней безсмысленности и безцѣльности получается для него разумный смыслъ: цѣлью жизни міра представляется ему безконечное просвѣтленіе и единеніе существъ міра, къ которому идетъ жизнь—сначала людей, а потомъ и всѣхъ существъ («О жизни» 92—94). Такимъ образомъ, трудъ самоотреченія, подвигъ самоотверженной любви, долженъ искупляться и вознаграждаться той высокой и разумной цѣлью, къ достиженію которой ведетъ любовь. Цѣль эта—въ установленіи земного счастія, Царства Божія на землѣ, осуществленіе котораго несомнѣнно—по мѣрѣ того, какъ люди больше и больше будутъ убѣждаться въ истинности любви.

Въ служеніи міру содѣйствіемъ установленію Царства Божія заключается единственный смыслъ жизни, какъ человѣка („Царств. Бож., ч. II, стр. 233), такъ и всей исторіи человѣчества („О жизни". 94). Уже одно это ясно говоритъ, по мысли Толстого, за законность самоотреченія, какъ единственнаго пути къ достиженію единственно разумнаго блага. За законность же его говоритъ и естественность чувства самоотверженной любви. Эта любовь—самое спокойное, свѣтлое состояніе; это—радостная дѣятельность, хотя разъ испытанная каждымъ въ періодъ ранняго дѣтства, когда душа еще не бываетъ засорена ложью, заглушающей жизнь.—Душа, въ блаженномъ чувствѣ умиленія, готова тогда любить всѣхъ: и ближнихъ—и отца, и мать, и братьевъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется—самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всѣмъ было хорошо, и радостно. Это то и есть—и это одно есть та любовь, въ которой—жизнь человѣка. Поэтому и самоотреченіе, какъ самое естественное, даже блаженное состояніе не есть какой нибудь подвигъ, какъ думаютъ люди личнаго жизнепониманія. Они ошибаются, полагая, что истинная жизнь требуетъ отъ нихъ совершеннаго отреченія отъ личности,—тогда какъ нужно только отречься отъ блага своей личности. Отреченіе же отъ самой личности даже невозможно. «Вѣдь затѣмъ то я и личность, чтобы я понималъ страданія другихъ личностей, и затѣмъ то я—разумное сознаніе, чтобы въ страданіи каждой отдѣльной личности я видѣлъ общую причину страданія—заблужденіе, и могъ уничтожить ее въ себѣ (сначала) потомъ и въ другихъ» («О жизни», стр. 179—180).

Въ противоположность самоотреченію, скорѣе личную жизнь слѣдуетъ назвать подвигомъ, никому при томъ ненужнымъ, совершенно безсмысленнымъ, поскольку она переполнена массой вопіющихъ золъ и страданій, не имѣющихъ мѣста въ жизни божеской. Вѣдь мучительныя страданія получаются отъ того, что людьми нарушается законъ божеской жизни—законъ любви: страданія суть ничто иное, какъ та боль, которую испытываютъ люди, при попыткахъ разрыванія цѣпи любви къ предкамъ, къ потомкамъ, къ современникамъ,—соединяющей жизнь человѣческую съ жизнью міра,—а потому любовь исключаетъ возможность всякаго страданія («О жизни», стр. 174), такъ какъ ведетъ къ той именно жизни, которая продолжаетъ жизнь прошедшую, содѣйствуетъ благу жизни современной и благу жизни будущей („Въ чемъ вѣра“, стр. 156); почему и здѣсь на землѣ, въ этомъ мірѣ, доставляетъ человѣку меньше страданій и больше радостей, чѣмъ при жизни личной („Въ чемъ вѣра“, стр. 209). Такое положеніе подтверждается опытомъ, чего нужно ждать и по существу дѣла.—Если человѣкъ, отрекшись отъ личнаго блага, станетъ другихъ любить болѣе, чѣмъ самого себя, то къ этому же по отношенію къ себѣ онъ обязываетъ косвенно и всѣхъ другихъ людей. Стало быть (заключаетъ Толстой), вмѣсто усилій одной эфемерной личности сами собой предлагаются усилія цѣлаго ряда личностей. А между тѣмъ, каждому нужно очень немного для достиженія земного благополучія; это—связь человѣка съ природой, свободный физическій трудъ, семья, общеніе съ людьми всѣхъ состояній, здоровье и безболѣзненная смерть („Въ чемъ моя вѣра“, стр. 215). Все это безъ особенныхъ усилій доставляется само собой разумной жизнію. Конечно, всегда найдутся люди, которые позавидуютъ и этому скромному счастію и постараются помѣшать ему; но и это не можетъ причинить страданія человѣку: для него смыслъ и сила жизни переходитъ въ трудъ для блага другихъ, такъ что самыя страданія и трудъ должны быть для него благомъ („О жизни“, стр. 92). Поэтому никогда не слѣдуетъ, по ученію Толстого, противиться злу насиліемъ, такъ какъ зломъ не истребить зла, какъ и огнемъ не потушить огня. Только добро, встрѣчая зло и не заражаясь имъ, побѣждаетъ зло („Царст. Бож...“, стр. 18; „Въ чемъ вѣра“ стр. 117). Да, наконецъ, если страданія, причиненныя другими людьми, страданія личности и покажутся человѣку чувствительными,—то онъ, какъ ученикъ Христа, знаетъ смыслъ этихъ страданій; онъ знаетъ, что страдаетъ для міра,—тогда какъ

страданія учениковъ міра усугубляются оттого, что они (эти ученики) не знаютъ, за что терпятъ страданія („Въ чемъ вѣра“, стр. 210).

Наряду съ страданіями другимъ еще болѣе темнымъ пятномъ на темномъ же фонѣ личной жизни представляется человѣку смерть, какъ совершенное уничтоженіе не только всего дѣла жизни, но и того, что хочется навсегда сохранить человѣку даже ложнаго жизнепониманія—того „я“, которое составляетъ основу жизни и дѣятельности. А такъ какъ весь смыслъ жизни видитъ онъ въ жизни тѣла и животнаго сознанія, то, съ уничтоженіемъ ихъ, считаетъ уничтоженнымъ и свое „я“. Между тѣмъ это „я“, какъ своего рода характеръ, выражающій особое свойство человѣка больше любить одно и отвращаться отъ другого, ни въ коемъ случаѣ не можетъ уничтожиться смертію.—Начало нашей жизни еще не говоритъ о началѣ образованія особаго нашего отношенія къ міру, какъ характера. Оно вносится нами уже готовымъ въ эту жизнь изъ невидимаго и непознаваемаго прошедшаго („О жизни“, стр. 137). Оно началось и возникло не въ этой жизни, а потому и уничтоженіе тѣла и сознанія въ человѣкѣ не можетъ служить признакомъ уничтоженія его особеннаго отношенія къ міру (тамъ же, стр. 141). Такъ какъ самый смыслъ жизни понимается Толстымъ въ установленіи этого особеннаго высшаго отношенія къ міру, чрезъ большее подчиненіе личности разуму и проявленіе большей степени любви („О жизни“ § 31), то не страхъ, а радость, съ приближеніемъ смерти, должна быть преобладающимъ чувствомъ въ настроеніи человѣка, живущаго разумной жизнію. Самая смерть, какъ пробужденіе отъ жизни, является для него истиной („Исповѣдь“), исканіе которой составляло задачу всей его жизни.—Смерть говоритъ ему, что онъ достигъ своей цѣли—установилъ то новое отношеніе къ міру, которое уже не умѣщается въ его животной оболочкѣ („О жизни“, стр. 153). Только при такомъ пониманіи Толстымъ смерти, объяснимо то радостное чувство, которое смѣнило предсмертную агонію Ивана Ильича: онъ узналъ, что страха смерти не должно быть, потому что нѣтъ и самой смерти (Толстой „Смерть Ивана Ильича“). Еще болѣе наглядной иллюстраціей такого взгляда на смерть можетъ служить изображенная Толстымъ картина смерти купца Брехунова (въ разсказѣ „Хозяинъ и работникъ“). Когда полузамерзшій Брехуновъ узналъ, что Никита (его работникъ) согрѣлся и живъ, благодаря ему, а самъ онъ совсѣмъ замерзаетъ, то послѣднимъ онъ нисколько не огорчается. Ему кажется, что онъ самъ—Никита, а

Никита онъ, и что жизнь его—не въ немъ самомъ, а—въ Никитѣ. Слыша дыханіе Никиты, Брехуновъ заключаетъ: „живъ Никита, значитъ, живъ и я“. Онъ знаетъ теперь, что переживетъ себя въ благодарной памяти Никиты, который передастъ эту память своему „малому“ и, такимъ образомъ, она сохранится въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по смыслу приведеннаго разсказа, жизнь Брехунова какъ бы вошла, слилась съ жизнью Никиты. И въ результатѣ такого слiянія Толстой считаетъ вѣчнымъ не только дѣло любви, какъ высшее отношеніе къ міру, какъ продуктъ дѣятельности разумнаго сознанія, но и самое это сознаніе, которое, слившись въ данномъ случаѣ съ сознаніемъ Никиты, должно потомъ перейти и слиться съ разумнымъ сознаніемъ всего человѣчества, усовершенствованнымъ дѣлами общечеловѣческой любви,—гдѣ и найдетъ свое конечное благо.

Самый процессъ таинственнаго вхожденія разумнаго сознанія человѣка въ сознанія другихъ людей, какъ особенной силы жизни, совершается, по воззрѣніямъ Толстого, „путемъ воспоминанія, которое не есть простое представленіе, но есть что то такое, что дѣйствуетъ на меня, и дѣйствуетъ почти такъ же, какъ дѣйствовала на меня жизнь моего брата во время его земного существованія. Та сила жизни, которая была въ моемъ братѣ, не только не исчезла, не уменьшилась (съ его смертію), но даже увеличилась, и сильнѣе, чѣмъ прежде, дѣйствуетъ на меня. Мало того, эта невидимая жизнь моего умершаго брата не только дѣйствуетъ на меня, но она входитъ въ меня. Его особенное, живое „я“, его отношеніе къ міру, становится моимъ отношеніемъ. Въ установленіи этого отношенія онъ какъ бы поднимаетъ меня на ту ступень, на которую онъ уже поднялся,—и мнѣ, моему особенному—живому—„я“, яснѣе та слѣдующая ступень, на которую онъ уже ступилъ, скрывшись отъ моихъ глазъ, но увлекая меня за собой“ (Толстой „О жизни“, стр. 149—150).

Освобождая воззрѣнія Толстого отъ художественной оболочки, въ которой скрываются недочеты его мысли, позволимъ себѣ такъ резюмировать эти воззрѣнія.

Такъ какъ Самъ Богъ есть ничто иное, какъ жизнь въ созерцаемомъ нами единствѣ нашего рода и нашей индивидуальности, а каждый человѣкъ, какъ „сынъ человѣческій“, привнесшій свое внѣвременное и внѣпространственное „я“ въ жизнь уже готовымъ—отъ Самого Бога—отъ родовой жизни, есть поэтому и божество въ

то же время,—то единственно истинная жизнь есть жизнь божеская, т. е.,—въ согласіи съ родомъ, путемъ его поддержанія и развитія. Только въ этомъ—единственно разумный смыслъ жизни, не уничтожаемый смертію,—потому что смерть есть оплата долга, возвращеніе въ родовую жизнь взятаго изъ нея разумнаго сознанія, усовершенствованнаго дѣлами любви. Достигается этотъ смыслъ жизни путемъ отреченія отъ личности, чрезъ самоотверженную любовь, которая одна только „трудомъ, смиреніемъ, терпѣніемъ, милостью ко всѣмъ" способна содѣйствовать устроенію земного счастья другихъ людей, подготовленію Царства Божія на землѣ, въ связи съ собственнымъ счастіемъ, заключающимся въ отсутствіи страданій и страха смерти.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Архипастырское обозрѣніе церквей 3 благочинническаго округа, Лепельскаго уѣзда.

7 іюля сего года стало извѣстно, что Преосвященнѣйшій Владиміръ, Епископъ Полоцкій и Витебскій, намѣренъ посѣтить церкви 3 Лепельскаго округа. 8 іюля, въ $9^1/_4$ ч. вечера, Владыка Владиміръ со станціи „Ловша" прибылъ на лошадяхъ въ м. Уллу, находящееся въ предѣлахъ названнаго благочинія.

Пространство отъ переправы чрезъ р. Двину до Улльскаго храма Преосвященнѣйшій Владиміръ изволилъ пройти пѣшкомъ, въ сопровожденіи Лепельскихъ предводителя дворянства и исправника. За Владыкою слѣдовала толпа народа. Совсѣмъ уже стемнѣло, когда Архипастырь подошелъ къ паперти хра-

ма. Во все время слѣдованія Владыки съ церковной колокольни Улльскаго приходскаго каменнаго храма раздавался радостный звонъ колоколовъ, вѣщающій о прибытіи Его.

При входѣ въ храмъ Преосвященнѣйшій Владиміръ былъ встрѣченъ мѣстнымъ благочиннымъ, священникомъ Іоанномъ Никифоровскимъ. Здѣсь Владыкѣ поднесены хлѣбъ-соль отъ крестьянъ Улльской волости Улльскимъ старшиною, коимъ было сказано нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Преосвященнѣйшій Владыка, благословивъ хлѣбъ-соль, велѣлъ раздать ихъ окружающему народу.

Въ самомъ храмѣ Архипастырь былъ встрѣченъ пѣніемъ: „исполла эти деспота" и слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ, каковое сказано завѣдующимъ Улльскимъ приходомъ, священникомъ ближайшаго села Хотина Николаемъ Мицкевичемъ:

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и отецъ!

Бываютъ въ жизни минуты такого душевнаго состоянія, которое трудно поддается опредѣленію. Такова и настоящая наша минута. Мы еще не можемъ сказать, что испытываемъ въ данный моментъ нашего свиданія съ Вами; мы еще не знаемъ,—радоваться ли намъ или печалиться, что—въ исполненіи своего апостольскаго подвига—Вы благоволили и насъ, чадъ ввѣренной Вамъ Полоцкой церкви, посѣтить съ словами благовѣстія. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, конечно, не отъ насъ, но отъ Вашего Преосвященства. Если Вы найдете здѣсь нѣчто, могущее порадовать Ваше сердце, то и наша будетъ великой, ибо мы радуемся Вашею радостію; если же здѣсь что-либо смутитъ и даже опечалитъ Васъ, то печаль эта отзовется и въ нашихъ сердцахъ потому, что мы считаемъ истинно-горестнымъ то же самое что и Вы признаете таковымъ. Мы приложили всѣ усилія, чтобы оставить въ Васъ по себѣ добрыя воспоминанія, чтобы Вы могли отбыть отсюда съ яснымъ духомъ и удовлетвореннымъ чувствомъ, но,—по слову Свящ. Писанія: „не еже бо хощу, доброе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю" (Рим. 7, 9).

Вниди же, святый Владыко, въ сей храмъ св. Живоначальной Троицы и благоволи сказать свое рѣшающее сужденіе,

которое мы выслушаемъ или съ готовностью исправить наши несовершенства, или же съ искреннею радостью, если найдете насъ достойными Вашего одобренія и похвалы, а отъ насъ своихъ неключимыхъ рабовъ—примите въ долготу дней Вашего Архипастырства наше искреннее привѣтствія и пожеланіе: «исполла эти деспота»!

Выслушавъ рѣчь, Владыка приложился къ поднесенному кресту и окропивъ себя св. водою, не возлагая на себя мантіи прошелъ дальше въ храмъ и сталъ недалеко отъ солеи.

Священникомъ о. Мицкевичемъ была произнесена обычная ектенія, отпустъ и провозглашено многолѣтіе съ осѣненіемъ народа крестомъ. Послѣ сего Владыка опять приложился ко кресту. Стройное пѣніе Улльскаго церковнаго хора, полное освѣщеніе храма, недавно только отремонтированнаго внутри и снаружи, большое количество присутствующихъ въ этотъ моментъ въ церкви произвели на Архипастыря, повидимому, отрадное впечатлѣніе. Владыка тутъ-же на мѣстѣ выразилъ въ краткихъ словахъ свое удовольствіе; Онъ, обратившись къ народу, сказалъ: „видно, здѣшніе прихожане любятъ свой храмъ и заботятся о его благолѣпіи. Знаю, что у васъ нѣтъ своего священника, но онъ скоро будетъ. Сегодня, какъ видите, уже поздно. Прошу завтра пораньше собраться. Помолимся и побесѣдуемъ". Затѣмъ Владыка преподалъ общее архипастырское благословеніе народу и мѣстному благочинному, у котораго спросилъ: «изъ какого онъ села? Сколько верстъ отсюда»? При пѣніи: «исполла эти деспота» и звонѣ церковныхъ колоколовъ, Владыка удалился изъ храма въ сопровожденіи Лепельскихъ—предводителя дворянства и исправника въ имѣніе Улльскаго помѣщика, предсѣдателя Полоцкой уѣздной земской управы, г. Фальтина, у котораго для Владыки былъ приготовленъ ночлегъ.

На слѣдующій день—9 іюля—въ 9 ч. утра, Преосвященнѣйшій Владиміръ снова пѣшкомъ прибылъ въ Улльскій храмъ, и здѣсь, при звонѣ колокола, былъ встрѣченъ завѣдующимъ Улльскимъ приходомъ, священникомъ Николаемъ Мицкевичемъ. Тотчасъ, по прибытіи Владыки, началась литургія, каковую, по желанію Архипастыря, совершалъ о. Мицкевичъ въ сослуженіи двухъ діаконовъ. Апостолъ прочитанъ самимъ Преосвященнымъ, а во время „причастна" сказано было Владыкою

глубоконазидательное слово о вѣрѣ. Вѣра, говорилъ Владыка, необходима, какъ якорь спасенія. Она укрѣпляетъ нашу жизнь, даетъ возможность спокойно встрѣтить смерть. Чрезъ вѣру и добрыя дѣла человѣкъ удостаивается такого счастія и блаженства, какого „око не видѣ, ухо не слыша". Съ вѣрою должна быть неразлучной добродѣтельная жизнь, любовь христіанская, какъ необходимый признакъ и обнаруженіе истинной вѣры. Слова Владыки произвели на молящихся сильное впечатлѣніе, вызвавъ у многихъ благодатныя слезы умиленія. За богослуженіемъ Улльскій церковный хоръ прекрасно исполнилъ всѣ пѣснопѣнія литургіи подъ управленіемъ мѣстнаго псаломщика Григорія Солдуна.

По окончаніи литургіи, Владыка, преподавъ всѣмъ общее благословеніе, отбылъ изъ храма въ сопровожденіи г.г. Лепельскаго предводителя дворянства и Лепельскаго уѣзднаго исправника въ имѣніе г. Фальтина, гдѣ для него былъ приготовленъ обѣдъ. Здѣсь Преосвященнѣйшимъ Владиміромъ была получена телеграмма, измѣнявшая его маршрутъ.

Владыка поспѣшилъ отбыть изъ м. Уллы на станцію „Ловша", а оттуда въ г. Витебскъ, давъ предварительно предложеніе телеграфомъ: г. Полоцкъ, Преосвященнѣйшему Пантелеимону, Епископу Двинскому,—продолжить обозрѣніе церквей 3 Лепельскаго округа.

Въ 4¼ ч. дня 9 іюля Преосвященнѣйшій Пантелеимонъ со станціи „Ловша" прибылъ въ село Хотино. Въ селѣ Хотинѣ къ этому времени деревянный приходскій храмъ былъ украшенъ зеленью и цвѣтами. Мѣстные прихожане были подготовлены благочиннымъ къ встрѣчѣ Владыки. За часъ до пріѣзда Архипастыря начался звонъ колоколовъ. При входѣ въ церковную ограду, Владыка Пантелеимонъ былъ встрѣченъ благочиннымъ о. Никифоровскимъ и старшиною Усайской волости, поднесшимъ Преосвященному отъ лица крестьянъ Усайской волости—хлѣбъ соль, съ краткими словами привѣтствія. Благословивъ хлѣбъ-соль, Владыка прослѣдовалъ во храмъ, но при входѣ ему вторично были поднесены хлѣбъ-соль отъ лица прихожанъ и союза благочестивыхъ женщинъ Хотинской церкви. Благословивъ и эту хлѣбъ-соль Владыка вошелъ во храмъ, будучи привѣтствуемъ во время возложенія

мантіи пѣніемъ: „исполла эти деспота", а потомъ и слѣдующей рѣчью мѣстнаго священника Николая Мицкевича:

Ваше Преосвященство,
Милостивѣйшій Архипастырь и отецъ!

Небесный Пастыреначальникъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посылая своихъ Богоизбранныхъ дѣятелей (Апостоловъ) на пажить словесныхъ овецъ, изрекъ: «жатвы много, а дѣлателей мало» (Марк. 9, 37). Да, въ вертограгдѣ Христовомъ есть нивы, усыпанныя плевелами иновѣрія, раскола, католицизма и сектантства, такъ что малому стаду Христову въ утѣшеніе остается молить Господина жатвы, да изведетъ Онъ дѣлателей Своихъ на жатву. И мы, чада Полоцкія церкви, молимъ Бога зажечь свѣтильникъ на свѣщницѣ древняго Богоспасаемаго града Полоцка ревностію Иліиною о славѣ Божіей,- свѣтильникъ, горящій подъ покровомъ цѣлебныхъ мощей Преп. Матери нашей Евфросиніи, для просвѣщенія тьмы хитросплетеннаго католицизма. И, слава Богу, моленіе услышано и Богомъ избранъ на жатву дѣятель, пылающій ревностью о славѣ Божіей.

Вниди же, Богоизбранный Архипастырь, въ сей храмъ св. Іосифа Обручника и вознеси о насъ убогихъ вѣрою и благочестіемъ свою первосвященническую молитву, да дастъ Онъ, Милосердный Господь, намъ Свою благодать возжечь отъ Васъ—свѣтильника—ревность къ Божіей славѣ и да преисполнитъ Онъ въ насъ вѣру и благочестіе, а Васъ, Владыко, да сохранитъ на многія и многія лѣта.

Выслушавъ сію рѣчь, Преосвященнѣйшій Пантелеимонъ легкимъ наклоненіемъ головы въ сторону привѣтствовавшаго его священника выразилъ свою архипастырскую благодарность и при пѣніи тропаря св. Іосифу Обручнику и преднесеніи подсвѣчника съ горящею свѣчою, послѣдовалъ въ алтарь, гдѣ благоговѣйно преклонилъ свои колѣна предъ престоломъ Божіимъ, вознося свою святительскую молитву за клиръ и прихожанъ храма. Потомъ Владыка изволилъ осматривать св. престолъ, антиминсъ, Св. Дары, алтарь и жертвенникъ. Въ это время протодіакономъ Витебскаго каѳедральнаго собора произносилась сугубая ектенія. Отпустъ сдѣланъ былъ самимъ Владыкою; послѣ многолѣтія и осѣненія крестомъ народа имъ

же предложена послѣднему обширная бесѣда о праведности вообще и путяхъ къ достиженію сего вожделѣннаго для каждаго истинно-вѣрующаго христіанина душевнаго и тѣлеснаго состоянія. Бесѣда была сердечная, искренняя и назидательная.

При выходѣ изъ храма Преосвященный Пантелеимонъ спрашивалъ молитвы у дѣтей школьнаго возраста. Бойкимъ и сознательнымъ произношеніемъ молитвъ дѣти порадовали Владыку. Затѣмъ Владыка Пантелеимонъ, обращаясь къ настоятелю церкви, изволилъ замѣтить о томъ, что храмъ бѣденъ украшеніемъ: многія иконы ветхи, а нѣкоторыя, писанныя на бумагѣ, не имѣютъ не только кіотовъ, но не помѣщены даже въ приличныя рамы, Преосвященный совѣтовалъ прихожанамъ обратить на это особое вниманіе, не жалѣть на сіе святое дѣло своихъ трудовыхъ средствъ. Потомъ, преподавъ народу свое общее святительское благословеніе, при пѣніи „исполла эти деспота", отбылъ въ домъ приходского священника. Здѣсь поднесены были Владыкѣ хлѣбъ-соль. Благословивъ подносимое, Преосвященный Пантелеимонъ изволилъ откушать чаю въ обществѣ Лепельскихъ предводителя дворянства и исправника. Наконецъ, указавъ на позднее время (было уже 6¼ ч. вечера, а впереди предстояло еще посѣщеніе трехъ церквей по пути въ г. Лепель), Владыка поспѣшилъ отбыть изъ села Хотина въ село Сушу.

Въ селѣ Сушѣ—небольшая деревянная церковь во имя свят. и чудотворца Николая. Мѣстность, гдѣ находится Сушанскій храмъ,—гористая и отличается живописью: съ двухъ сторонъ она обрамлена озерами, а съ третьей—рѣкою. Чрезъ рѣку въ село Сушу ведетъ большой деревянный мостъ. Сушанскій храмъ—приписной къ церкви села Губина.

При входѣ въ церковную ограду, Преосвященнѣйшій Пантелеимонъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ о. благочиннымъ, поспѣшившимъ впередъ изъ села Хотина, а въ самомъ храмѣ священникомъ села Усай Іосифомъ Веремеюкомъ, назначеннаго сюда для встрѣчи Владыки о. благочиннымъ. О. Веремеюкъ привѣтствовалъ вошедшаго во храмъ Архипастыря слѣдующею краткою рѣчью:

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

За отсутствіемъ настоятеля сей церкви, уѣхавшаго на родину въ Себежскій уѣздъ, съ разрѣшенія о. благочиннаго, на мою долю выпало вечичайшее счастіе встрѣтить Васъ, Владыко, въ этомъ храмѣ Позвольте же отъ имени настоятеля сего храма и его прихожанъ привѣтствовать Васъ и принести Вамъ самую искреннюю благодарность—за тѣ труды, которые Вы, какъ Святитель, приняли на себя, чтобы посѣтить этотъ отдаленный уголокъ ввѣренной Богомъ Вамъ, нашимъ Архипастырямъ, довольно обширной Полоцкой епархіи. Вмѣстѣ съ благодарностью мы возносимъ наши горячія молитвы къ престолу Всевышняго, дабы Онъ ниспослалъ Вамъ здравіе и долгоденствіе для блага нашей православной церкви

Войдите же, Владыко святый, въ сей храмъ Божій, построенный и освященный въ честь свят. Чудотворца Николая Мирликійскаго и сотворите молитву къ Небесному Царю, дабы Онъ утвердилъ насъ православныхъ въ благочестіи, а слабыхъ и колеблющихся въ вѣрѣ вразумилъ, поддержалъ и наставилъ

Благословенъ грядый во имя Господне!

Приложившись ко кресту, Владыко Пантелеимонъ осмотрѣлъ внутри храмъ и алтарь и затѣмъ, обратясь къ народу, долго бесѣдовалъ о необходимости посѣщать чаще не только этотъ храмь, а и приходскій въ селѣ Губинѣ, аккуратно выполнять домашнія молитвы, соблюдать установленные православною церковію посты, дѣтей своихъ воспитывать въ страхѣ Божіемъ. Потомъ, преподавъ всѣмъ присутствующимъ во храмѣ свое святительское благословеніе съ пожеланіемъ преуспѣвать въ вѣрѣ и благочестіи, при пѣніи: „исполла эти деспота", отбылъ изъ села Суши въ село Губино.

Въ селѣ Губинѣ—приходскій каменный храмъ тоже во имя св. Чудотворца Николая Мирликійскаго. Губинскій храмъ расположенъ на горѣ, у подножія которой тянется большая дорога, усаженная тѣнистыми березами. Царковная паперть окружена деревянною оградою. Внутри ограды растутъ вѣковыя сосны и березы. Какъ храмъ, такъ и вся вообще мѣстность въ Губинѣ производятъ на посѣтителей пріятное впечатлѣніе. Сюда Владыка Пантелеимонъ прибылъ въ $7^1/_2$ ч. вечера.

При входѣ въ ограду церкви, Архипастырь былъ встрѣченъ о. благочиннымъ и мѣстнымъ церковнымъ старостою, поднесшимъ Владыкѣ хлѣбъ-соль—съ краткимъ привѣтствіемъ. Благословивши хлѣбъ-соль, Преосвященнѣйшій Пантелеимонъ прослѣдовалъ въ самый храмъ, гдѣ встрѣченъ былъ священникомъ Несинской церкви Евфиміемъ Архангельскимъ, при пѣніи: „исполла эти деспота“.

О. Евфимій Архангельскій привѣтстволъ Владыку краткою рѣчью. Въ данный моментъ о. Архангельскій замѣнялъ собою священника Губинской церкви о. Филагрія Костко, находящагося въ двухнедѣльномъ отпускѣ, съ вѣдома о. благочиннагo.

Владыка Пантелеимонъ, выслушалъ рѣчь, вошелъ, при пѣніи тропаря Свят. Чудот. Николаю, въ алтарь, гдѣ благоговѣйно преклонилъ колѣна предъ Св. Престоломъ осматривалъ антиминсъ, Св. Дары, престолъ и весь вообще алтарь. Протодіаконъ въ это время произносилъ сугубую ектенію. Возгласъ и отпустъ сказаны о. Архангельскимъ, а многолѣтіе провозглашено о. протодіакономъ. На многолѣтіи самъ Владыка осѣнялъ крестомъ присутствующихъ во храмѣ. Пѣніе мѣстнаго церковнаго хора было довольно стройное.

Въ Губинскомъ храмѣ Владыка произнесъ слово миссіонерскаго характера.—Онъ ставилъ въ примѣръ семейную жизнь православнаго клира, зиждущуюся на христіанскихъ и спасительныхъ началахъ; яркими чертами изобразилъ, въ противоположность этой жизни, всю несостоятельность „целибата“ ксендзовъ. Слово Владыки, безъ сомнѣнія, глубоко запало въ душу слушателей.

Послѣ сего Преосвященнѣйшій Пантелеимонъ спрашивалъ у дѣтей молитвы. Знаніемъ молитвъ Владыка остался доволенъ. Преподавъ затѣмъ свое архипастырское благословеніе народу, Владыка при пѣніи: „исполла эти деспота“, вышелъ изъ храма. Было уже 8½ ч. вечера, и Владыка поспѣшилъ отбыть въ м. Камень.

Названное селеніе раскинулось на трехъ холмахъ. На высокой круглой горѣ, занимающей господствующее положеніе надъ холмами, красуется каменная приходская церковь во имя Св. Великомуч. Побѣдоносца Георгія. У подножія горы этой съ одной стороны—озеро, съ другой—большая дорога, ведущая

въ г. Лепель. Вся мѣстность, занимаемая храмомъ и мѣстечкомъ, по своей красотѣ, достойна кисти художника.

Въ десятомъ часу экипажъ Владыки остановился у горы, на которой высится приходскій Каменскій храмъ. При выходѣ Преосвященнаго изъ экипажа, у лѣстницы, ведущей на вершину горы, къ паперти храма, встрѣтилъ Архипастыря цековный староста, извѣстный своею благотворительностью и заботами о благолѣпіи храма—г., Плавинскій. Староста привѣтствовалъ Владыку рѣчью съ поднесеніемъ хлѣба-соли отъ лицъ прихожанъ Каменской церкви. Здѣсь же находились дѣти-дѣвочки, въ бѣлыхъ платьицахъ, съ корзинами цвѣтовъ въ рукахъ. Весь путь Владыки къ храму былъ обильно усыпанъ цвѣтами. Въ церковной оградѣ Архипастырь встрѣченъ о. благочиннымъ, а въ храмѣ мѣстнымъ священникомъ Георгіемъ Ковганкинымъ. При возложеніи на Владыку мантіи, мѣстный церковный хоръ стройно пропѣлъ: «исполла эти деспота». Священникъ Ковганкинъ произнесъ слѣдующую рѣчь.

„Преосвященнѣйшій Владыко!

Видѣть намъ здѣсь преемника Апостоловъ, прибывшаго къ намъ съ цѣлію укрѣпить насъ въ Божественной истинѣ, по которой должна направляться наша жизнь и которая приводитъ человѣка къ вѣчному спасенію,—составляетъ для насъ отраду и утѣшеніе. И это имѣетъ еще большую силу и значеніе, потому что въ послѣднее время произошла и происходитъ переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, т. е. то, что прежде оцѣнивалось одной цѣной, теперь оцѣнивается совершенно другой. Прискорбно, что эта переоцѣнка коснулась и нашей православной церкви и нравственной жизни чадъ этой церкви;—и коснулась именно съ отрицательной стороны. Отрицательное отношеніе сыновъ вѣка сего произошло вслѣдствіе того, что люди полагаютъ въ основу оцѣнки не глаголы возвѣстившаго намъ вѣчную, непреложную истину Господа нашего Іисуса Христа: «Азъ есмь путь и истина и животъ (Іоан. 14, 6) говоритъ Онъ,—а свой личный взглядъ, свое личное мнѣніе, свой умъ.

При такомъ отрицательномъ отношеніи взглядовъ и мнѣній людскихъ произошло то, что православная вѣра въ русскомъ народѣ пошатнулась и нравственная жизнь начала клониться къ упадку.

Изъ нравственныхъ недостатковъ прихода укажу прежде всего на усиленное пьянство. Болѣе 30,000 руб. народныхъ денгъ ежегодно остается въ здѣшней винной лавкѣ, не считая того, сколько ихъ тратится понапрасну въ другихъ подобныхъ мѣстахъ. Главною причиною развитія пьянства служитъ то, что здѣшнее мѣстечко населено преимущественно евреями, которые чуть ли не въ каждомъ домѣ торгуютъ водкою.

Какъ необходимое послѣдствіе пьянства,—въ приходѣ развитъ значительно развратъ и хулиганство. Вѣдь, по слову апостола, гдѣ происходитъ пьянство, тамъ долженъ быть развратъ. Хулиганство, зародившееся, главнымъ образомъ на почвѣ пьянства и обратившее на себя вниманіе русскаго общества и даже правительства, въ здѣшнемъ приходѣ развито въ значительной степени и даетъ чувствовать себя весьма сильно...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя умолчать и о томъ, что прихожане довольно усердно посѣщаютъ церковное богослуженіе. почти всѣ ежегодно бываютъ у исповѣди и причастія Св. Таинъ и не уклоняются отъ необходимыхъ христіанскихъ требъ.

Вниди, Владыка, во святый храмъ сей, помолися за насъ грѣшныхъ, дабы благословеніе Божіе почило на насъ и дабы мы укрѣплялись въ христіанскомъ благочестіи. Вѣдь, благочестіе христіанское на все необходимо и полезно,--какъ для сей, такъ и для будущей жизни. Безъ благословенія Божія и безъ христіанскаго благочестія—мы—люди отверженные, люди окаянные, сыны погибели». Аминь.

Преосвященнѣйшій Пантелеимонъ со вниманіемъ выслушалъ рѣчь о. Георгія Ковганкина, въ краткихъ словахъ выразилъ свою благодарность и потомъ при пѣніи тропаря св. Великомуч. Побѣдоносцу Георгію изволилъ войти въ алтарь. Здѣсь Владыка сдѣлалъ глубокій поклонъ предъ св. Престоломъ, вознося молитву за клиръ и прихожанъ храма. Осмотрѣвъ антиминсъ, св. Дары и алтарь, Архипастырь вышелъ на амвонъ во время провозглашенія протодіакономъ многолѣтія и принявъ отъ о. Ковганкина крестъ, самъ осѣнялъ имъ присутствующихъ въ храмѣ. Затѣмъ, Владыка произнесъ слово о воздержаніи. Абсолютная тишина въ храмѣ дала возможность всѣмъ внимательно выслушать прочувствованное слово Свя-

тителя. Въ числѣ слушателей были сопровождавшие Владыку —Лепельскій предводитель дворянства и Лепельскій исправникъ. Закончивъ свое слово, Преосвященнѣйшій Пантелеимонъ преподалъ общее благословеніе народу и при пѣніи „исполла эти деспота“ вышелъ изъ храма, въ сопровожденіи толпы народа, съ которымъ продолжалъ бесѣдовать во все время пути при спускѣ съ горы.

Несмотря на приглашеніе о. Георгія Ковганкина, просившаго Владыку посѣтить его домъ Владыка Пантелеимонъ не могъ исполнить этого: нужно было поспѣшить въ г. Лепель для совершенія всенощнаго бдѣнія а до Лепеля оставалось еще 17 вер. ѣзды на лошадяхъ.

Садясь въ экипажъ, Владыка еще разъ благословилъ сопровождавшій его народъ и отбылъ изъ м. Каменя въ г. Лепель. Всѣ отъ души пожелали Владыкѣ счастливаго пути и многихъ, многихъ лѣтъ святительства

Редакторъ неоффиціальнаго отдѣла,
Каѳедральный протоіерей Димитрій Богоявленскій.

Печатать разрѣшается, 6 октября 1913 года.
Цензоръ, преподаватель семинаріи протоіерей В. Добровольскій

Печатано въ Витебской Губернской Типографіи.